

1. Масловец, О.А. Основы обучения китайскому языку в вузе и школе: теория и практика. Учебное пособие / О.А. Масловец. – 3-е изд. – М. : Издательский дом ВКН, 2019. – 264 с.
2. Молоткова, Ю.В. Методика обучения китайскому иероглифическому письму : учеб. пособие / Ю.В. Молоткова. – Минск : БГУ, 2017. – 119 с.
3. Ho Cheong Lam. A critical analysis of the various ways of teaching Chinese characters / Lam Ho Cheong // Electronic Journal of Foreign Language Teaching 2011, Vol. 8, No 1, pp. 57 – 70.
4. 在线汉语字典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [在线新华字典 \(5156edu.com\)](http://5156edu.com). – Дата доступа: 22.01.2024.
5. YellowBridge [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [YellowBridge Chinese Language and Culture](http://YellowBridge.com). – Дата доступа: 22.01.2024.
6. ArchChinese dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Chinese English Dictionary - Learn Chinese - 英汉字典 - 汉英字典 - 汉字 - Arch Chinese](http://ChineseEnglishDictionary.com). – Дата доступа: 22.02.2024.
7. Список китайских слов по частотности (现代汉语常用词表) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Список китайских слов по частотности \(bkrs.info\)](http://bkrs.info). – Дата доступа: 22.02.2024.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ: ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ

*Е.В. Крикливец
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Произведения русских и белорусских писателей о Великой Отечественной войне, созданные во второй половине XX века, широко изучены в отечественном литературоведении. Их авторами, как правило, были либо бывшие фронтовики, либо свидетели военных событий (чаще всего «дети войны»). В произведениях, появившихся после 2000-х годов, военное прошлое осмысливается опосредованно (на основе архивных данных, научных и публицистических источников, творческого наследия предшественников). Временная отдаленность от событий военной действительности и наличие информационного и культурного «буфера» открыли новые возможности моделирования художественной реальности в стилевой интеграции реализма и модернизма, реализма и постмодернизма.

Цель данной работы – выявить вектор индивидуально-авторских поисков и способности литературной рефлексии в русской и белорусской военной прозе рубежа XX–XXI веков.

Материал и методы. Материалом исследования послужили произведения русских и белорусских писателей о Великой Отечественной войне, созданные в последней трети XX – начале XXI века. В научном анализе использованы приёмы культурно-исторического, сравнительно-типологического и феноменологического методов.

Результаты и их обсуждение. Художественное осмысление событий Великой Отечественной войны в прозе русских и белорусских писателей второй половины XX века претерпело качественную трансформацию. Уже в середине 1950-х – начале 1970-х годов наблюдается изменение авторских подходов к отражению военных реалий и послевоенной действительности. Эйфория от победы, характерная для произведений первого послевоенного десятилетия, сменяется попыткой изображения обычного человека на войне и его внутренних переживаний (Ю. Бондарев «Батальоны просят огня», Г. Бакланов «Пядь земли», В. Астафьев «Звездопад», К. Воробьев «Крик», «Убиты под Москвой», В. Быков «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Альпійская балада», И. Пташников «Лонва», «Тартак», Б. Саченко «Пакуль не развіднела», «Апошнія і першыя» и др.). В стилистическом плане происходит переход от нормативной эстетики социалистического реализма к объективному отражению жизни и психологизации повествования, который осуществляется в контексте так называемой «окопной» прозы. Продуктивным на данном этапе становятся синтез реалистической парадигмы с элементами сентиментализма и романтизма. Очевидна актуализация жанровой формы

лирико-психологической повести, которая позволила осуществить рефлексию автобиографического опыта.

В 1970-е годы место лирической доминанты занимает экзистенциальная. С точки зрения коммуникативной стратегии, новое нравственно-философское повествование ориентировано на изображение войны как жестокого истребления человека человеком (В. Кондратьев «Сашка», В. Быков «Даждыць да світання», «Мёртвым не баліць», «Пайсці і не вярнуцца», «Воўчая зграя», «Сотнікаў» и др.). Русская и белорусская проза о войне, с одной стороны, отразила девальвацию частной жизни в масштабах государственной и военной казарменной системы, с другой – продемонстрировала возможность личного подвига «маленького человека» на войне, поскольку герои произведений вынуждены совершать нравственный выбор в пограничной ситуации.

Литературный процесс 1980-х годов констатирует окончательный переход от нормативной эстетики к социально-психологическому реализму. Наблюдается интеграция жанровых структур, появление новых форм на «стыке» публицистики и художественной литературы (М. Кураев «Блокада», А. Адамович «Хатынская аповесць», «Карнікі» и др.).

Отличительной чертой русской и белорусской военной прозы последней трети XX века становится творческая активность авторов из поколения «детей войны». В отечественном литературоведении появляется термин «феномен двойного видения» для обозначения специфики приемов внешней и внутренней фокализации, используемых в произведениях ряда писателей. Так, в повестях В. Козько «Високосный год», «Повесть о беспризорной любви», «Суд у Слабадзе»; А. Адамовича «Венера, або Як я быў прыгоннікам» и др. автобиографическая история героя-ребенка рассказывается взрослым повествователем, пытающимся воскресить свое детское восприятие событий, а нередко и творящим моральный суд над собой-ребенком. Имеет место дифференциация повествующего и повествуемого «я». Любопытен автобиографический сборник «Мальчики из блокады» русского прозаика А. Крестинского. Книга включает несколько рассказов и повесть «А потом началась война» о жизни ленинградских мальчишек до войны и в период блокады. В отличие от В. Козько, А. Крестинский не пытается судить себя-ребенка за игровое, даже шуточное отношение к войне в самом ее начале. Герои его повести, как и все мальчишки в детстве, мечтали о сражениях и подвигах, а потом детские мечты воплотились в жестокую реальность. Элементы приема «двойного видения» используются и в повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр!». На фронт Б. Окуджава попадает в семнадцать лет, недавним школьником. Автор максимально откровенно и честно осмысливает армейское прошлое, в подробностях воскрешая драматическое столкновение романтического сознания с тяготами военного быта.

Специфика прозы современных авторов о Великой Отечественной войне заключается в отсутствии личного военного опыта, в значительной временной отдаленности от описываемых событий. В отдельных случаях отмечается некоторая «вторичность» такого рода литературы по причине зависимости от предшественников. Например, в рассказе А. Геращенко «Бельчонок» интерпретируются сразу несколько мотивов, традиционных для белорусской военной прозы: уничтожение фашистами деревни, жители которой сотрудничают с партизанами, трагическая история маленького мальчика, которому не удалось избежать гибели, попытка постижения психологии «чужого». Повесть Ж. Жданова «Деды» входит в парадигму военной литературы, созданной поколением «детей войны». Автор пытается установить связь поколений: дедушка-повествователь не без определенного дидактизма рассказывает семилетнему внуку о своем военном детстве. Эту же традицию продолжают повести Е. Коршукова «Заговорщики», Н. Лось «Меня зовут Лариса», Т. Майстренко «Опаленная молодость»,

3. Новоеико «Детство в тумане войны» и др. Стилистически названные произведения демонстрируют интеграцию беллетристики и мемуаристики.

Примечательно, что традиции монументального романа о войне (К. Симонов «Живые и мертвые», М. Шолохов «Они сражались за Родину», В. Астафьев «Прокляты и убиты») в XXI веке получают продолжение преимущественно в белорусской литературе. Так, в романе Н. Чергинца «Операция “Кровь”» раскрываются многие ранее табуированные страницы военной истории. Одна из сюжетных линий романа связана со вскрывшимися относительно недавно подробностями существования на территории Беларуси сети детских лагерей, в которых ребята становились донорами крови на нужды немецкой армии. Н. Чергинец описывает операцию по вызволению более пятисот детей из такого лагеря в поселке Семково на Минщине. Вторая сюжетная линия романа повествует об уничтожении фашистами евреев в минском гетто. С особой тщательностью автор стремится раскрыть генезис и психологию предательства в образе Абрама Липковича, который с особой жестокостью участвует в казнях своих соотечественников, снedaемый алчностью и желанием спастись. Антиподом Липковича в романе выступает подросток Абрам Рабинович, ценой своей жизни спасающий двадцать невинных заложников.

Уникальное по своей масштабности явление, хроника жизни белорусского крестьянства на протяжении XX века принадлежит перу известного белорусского литературоведа и писателя – В. Гниломёдова. Роман «Война» – одна из шести книг романного цикла о жизни белорусской деревни Пруски, которая метонимически воплощает уклад жизни всей Беларуси. Аналогом такого метажанрового образования в русской литературе является, пожалуй, только тетралогия Ф. Абрамова «Пряслины», первый роман которой – «Братья и сёстры» – также посвящен изображению военных событий. На примере образов Левона Кужаля и его односельчан В. Гниломёдов убедительно демонстрирует нравственную и психологическую трансформацию белорусского народа перед лицом общечеловеческой трагедии. Нельзя не согласиться с утверждением О.И. Русилко о том, что «У рамане “Вайна” У. Гніламёдаў даследуе важныя рысы нацыянальнага беларускага характару, што выявіліся ў крытычны для нацыі момант: трываласць, цярплівасць, душэўнасць, ахвярнасць, пасіянарнасць і саборнасць» [1; с. 161].

И наконец, в новейшей литературе последних лет стало возможным художественное осмысление исторической правды о Великой Отечественной войне в контексте стилиевой интеграции реализм–модернизм. Повесть О. Сешко «Снуть вошлебная» апеллирует к традиции условно-метафорической прозы последней трети XX века. Художественная модель мира, созданная в произведении, представляет собой переплетение нескольких пространственно-временных планов, нескольких повествовательных дискурсов, соединяющих современных школьников маленького заполярного посёлка и трагическую историю белорусского города начала войны. Свидетель и участник драматических событий уничтожения витебского гетто говорит сегодняшним подросткам: «Мы тогда победили, выстояли в гетто, в лагерях, на фронте, в тылу, в голоде и холоде, в болезнях, в огне, в крови, в горе, потому что вы сегодня такие – настоящие. Вы тогда нас спасли, мы чувствовали вас, верили, что вы есть. Именно такие» [2; с. 217–218]. Это утверждение – своего рода аванс, кредит доверия современной молодёжи, которая должна остаться верной своим корням, своей исторической и генетической памяти.

Заключение. Таким образом, русская и белорусская военная проза рубежа XX–XXI веков содержит как рецепцию традиций советской литературы о Великой Отечественной войне, так и их деконструкцию. В современной прозе художественному осмыслению подлежит не личный военный опыт (не трагедии собственного поколения), а историческая память страны и народа, что предполагает новые подходы

к созданию когнитивных художественных моделей и новые способы филологической экспликации культурных и социальных кодов.

1. Русілка, В.І. Беларускі нацыянальны характар у раманах У. Гніламедава “Вайна” / В.І. Русілка // *Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXII (69) Региональной науч.-практ. конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 9–10 февраля 2017 г.: в 2 т. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – Т. 1 – С. 161–162. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/10416> (дата обращения: 25.01.2024).*

2. Сешко, О.В. Снуть вошлебная. Повесть. Книга вторая / О.В. Сешко. – Гомель : Барк, 2023 – С. 217–218.

СИМВОЛИЗМ СТИХИИ ОГНЯ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

*Т.Н. Крученкова
Витебск, ВГАВМ*

В статье рассмотрены фразеологизмы с компонентом «огонь» в русском языке. Стихия огня является одной из существующих земных стихий, которая имеет сакральное значение с древних времен и представляет интерес для исследования в символическом плане. Огонь можно назвать общечеловеческим культурным феноменом. Исследователи (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулова, В.А. Маслова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др.) отмечают высокую значимость огненной стихии как для русского национального сознания в целом, так и для отдельной языковой личности [1]. Б.А. Ларин писал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле росы.» [7]. Цель исследования – выявить, как компонент «огонь» в различных образах огненной стихии проявляется, как он функционирует в русской лингвокультуре и с какими аспектами человеческой жизнедеятельности соотносится.

Материал и методы. Были исследованы некоторые фразеологизмы с компонентом «огонь» из различных фразеологических словарей. В работе использовались метод сравнения, прием семантической идентификации, описательно-аналитический метод, а также метод сплошной выборки.

Результаты и их обсуждение. В современной лингвистике возрос интерес к изучению человеческого сознания, к самому человеку и его культуре. В настоящее время в научном мире преобладает антропоцентрическая парадигма, в рамках которой повышенное внимание исследователей языка уделяется вопросам соотношения языка и культуры. В работах лингвистов важное место занимают фразеологические единицы с компонентом «огонь». Они считаются фрагментами языка, насыщенными культурным смыслом. «Присущая им устойчивость и воспроизводимость образов, способствующая хранению и транслированию культурной информации, является одной из форм коллективной культурной памяти» [1]. Культурно-национальная коннотация фразеологизмов «усваивается вместе с овладением языком, навязывается через мировидение, отраженное в характерных для данного народа образах фразеологизмов, обыденное для данной лингвокультурной общности культурно-национальное самосознание и способствует его межпоколенной трансляции вместе с использованием языка» [1].

Духовный мир любой нации определяется окружающей природой, которая иногда оказывается важнее многих других факторов. В трехтомном труде русского ученого А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» собрано множество славянских мифов, содержащих первообразы языка, на которых человек и природа говорят между собой. Фразеологизмы, содержащие компонент «огонь», представляют особый интерес для лингвистического исследования, поскольку относятся к архаичным слоям национального состава языка. Огонь как первоэлемент мироздания, по представлениям славян, выполнял свою функцию, и это отражалось в языке. Например, в санскрите су-